

ТРАНСФЕР НА НЕБО

р о м а н

•
Впервые!

Варвара Кононова
расследует убийство
лучшего футболиста
страны!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Трансфер на небо

Серия «Агент секретной службы», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142338
Трансфер на небо: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-11566-8

Аннотация

Самые богатые и знаменитые, любимцы миллионов – они собрались на спортивной базе в Подмосковье. Звездам ничто не должно было помешать отдыхать и тренироваться. Но однажды ночью одного из них находят голого в чужой постели с перерезанным горлом. Не вызывает сомнений факт – убийца один из шестерых, что находились рядом с ним в ту ночь. Один из избранных... Но кто он? И почему решился на преступление? Так как фамилии и убитого, и большинства подозреваемых известны всей России, это дело надо раскрыть как можно скорее. У оперативно-следственной бригады, в которую входит неопытная стажерка Варвара Кононова, времени в обрез – всего лишь до рассвета...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна и Сергей Литвиновы

Трансфер на небо

Данный текст является ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ.

Все его герои и обстоятельства – плод вымысла авторов. В наши планы совершенно не входило кого бы то ни было задеть, оскорбить или унижить. Поэтому заявляем официально: всякое совпадение или сходство с реальностью имен, элементов биографии и характеров героев является целиком случайным. Плодом воображения авторов являются также любые названия: географические, фирм и объединений, клубов, компаний и пр. Всякое сравнение или сближение их с действительностью остается целиком и полностью на совести читателей.

Глава 1

Убийство на футбольной базе

- Милиция, тринадцатая. Слушаю вас.
- Убийство!.. Произошло убийство!..
- Где вы находитесь?
- Это Светловка!..
- Адрес, пожалуйста.

– Какой еще, на хрен, адрес?!

– Улица, номер дома?

Голос милицейской операторши был профессионально бесстрастным. Голос звонившего – молодого человека, почти мальчика, лет не более двадцати – задыхался, срывался.

Впрочем, девушка из службы «02» знала: такими взволнованными, испуганными почти всегда бывают голоса тех, кто сообщает об убийстве. Если только они не упились до стеклянного равнодушия. (Последнее тоже случалось слишком часто.) Но тот, кто звонил сейчас, был совершенно трезв. И еще – высокомерен и груб.

– Какая тебе, на хрен, улица! Это – база!

– Уточните, какая база.

Голос операторши сохранял ледяную невозмутимость.

– Да что ж ты, ёпуть, тупая такая! – в сердцах воскликнул молодой человек. – Это – футбольная база! Сборной страны! Поняла?!

– Футбольная база сборной страны?

– Да, да!

– В Светловке?

– Да!!

– «Скорая помощь» нужна?

Звонивший ухмыльнулся коротким смешком:

– Уже не нужна.

Тремя часами ранее.

...Сборы закончились, поэтому на базе сборной команды России по футболу в подмосковной Светловке остались в основном иногородние футболисты – те, кто еще не успел обзавестись в Москве квартирой и решил не тратиться на гостиницу.

Из столичных жителей на базе ночевал один только ветеран – «легионер» Карпов. Впрочем, москвичом Карпова можно назвать весьма условно. Он уже шесть лет играл в Испании, в «Реал-Валенсии», и проживал, естественно, там же. У Карпова, правда, имелся подмосковный коттедж, но сейчас в нем шел ремонт. Билет же назад в Испанию жулики-администраторы взяли футболисту только на утро, поэтому звездный игрок и решил переночевать на базе Команды.

На поле выходит номер седьмой – Карпов Евгений, 32 года, постоянно проживает в городе Валенсии, Испания. Играет за местный клуб «Реал-Валенсия», нападающий. Женат, двое детей.

Карпов после ужина составил с товарищами по команде партию в «дурака». Играли в комнате отдыха, пара на пару. «Испанец» Карпов перекидывался в картишки с ленцой – так, чтоб только время провести. Впрочем, он, кажется, все на свете делал с ленцой: пил, ел, тренировался, рулил на сво-

ем новом «Порше Каррера». Он даже в футбол играл словно нехотя, как бы через силу. Но при этом... При этом Карпов обладал исключительной техникой и чутьем мяча и поля. И поэтому, если уж он оказывался в штрафной противника, можно было не сомневаться: именно к нему, на ногу или на голову, вот-вот попадет мяч. И сколько бы защитников не «держали» в сей момент Карпова, снаряд от его ноги скорее всего не просто отправится в створ ворот, а полетит в девяточку или, на худой конец, в шестерочку. Правда, злые языки поговаривали, что чутье гола почему-то особенно обострено у Карпова в тех играх, за которые платили песетами (а позже евро) – то есть в матчах за его испанский клуб. В играх за сборную своей страны пресловутое чувство гола Карпову неожиданно изменяло, и он, как правило, представал на поле тем самым человеком, каковым он всегда казался в частной жизни: балованным красавчиком с изрядной ленцой. На последний Кубок Европы тренер его в Команду взял, но так и не решился ни разу выпустить на поле. И целый месяц самого важного футбольного первенства – бесславный месяц для Команды! – Карпов благополучно подремал на скамье запасных.

Все знали, что Карпов нежно любит свою жену и двух дочурок – во всяком случае, редкие интервью в домашних изысканных интерьерах он проводил непременно с женой под боком и очаровательными девчушками, ползающими где-то у его ног.

«Моя семья – это и есть то, ради чего стоит жить», – неизменно повторял Карпов журналистам.

Иногда писаки провокационно спрашивали:

– А как же футбол?

Но сбить Карпова с толку оказывалось непросто:

– Семья – это мое счастье, а футбол – моя жизнь, – с пафосом отвечал он.

...На базе в Светловке остался и еще один игрок – Игорь Кондаков из питерского «Всполоха». Он мог бы, конечно, уехать в Петербург сразу по окончании игры – на «Красной стреле», или улететь из Шереметьева, однако назавтра в столицу с Цейлона приезжала его юная жена Анжелика. Вот молодые и наметили планы: днем прошвырнуться по Москве, прикупить в бутиках в «Петровском пассаже» и Третьяковском проезде каких-нибудь «Версаче» с «Армани», а уж вечером вылететь домой, в северную столицу.

На поле выходит номер одиннадцатый – Кондаков Игорь,

22 года, выступает за «Всполох» (Санкт-Петербург), форвард, женат, детей нет.

Питерец Игорь Кондаков, составивший Карпову пару на сегодняшний карточный вечер, являлся полной противоположностью своему товарищу. Был Игорек быстрым, резким, азартным – и на поле, и в жизни. Он на целое футбольное поколение – на десяток лет! – был моложе Карпова. Странно,

что общего нашли эти два парня: тридцатилетний Карпов – леноватый, обремененный детьми и миллионным состоянием, и Кондаков – молодой, волевой, азартный и до крайности амбициозный. А ведь они всегда сидели рядом в столовой и в автобусе и предпочитали вдвоем бродить по магазинам, площадям и тавернам западных городов, когда выдавалось редкое свободное время в поездках. И в гостиницах жили обычно в одной комнате. Правда, здесь, на базе в Светловке, игрокам были созданы райские условия – лишь бы ничто не отвлекало футболистов от тренировок! – и каждому полагалась своя, персональная комната-люкс.

Юный Кондаков (в отличие от сходящего Карпова) произвел фурор еще на первенстве мира два года назад. Его дважды выпускали на восьмидесятих минутах матча на помощь нашей безнадежно тонущей сборной – и оба раза он прорывался к воротам соперника и впечатывал неберущуюся «банку». (Правда, российскую команду это так и не спасло.) После Кубка все наперебой – и газеты, и болельщики заговорили о Кондакове как о «звезде», «герое», «надежде отечественного футбола». Интервью с ним охотно печатали все газеты – от серьезных «Известий» до фривольного «Мегаполис-Экспресс». Он даже ухитрился сняться почти в полном неглиже, прикрывая причинное место мячом, на обложку журнала «Плэй-герл», что принесло ему двадцать тысяч долларов, а журналу – двадцать тысяч дополнительных покупателей.

Сразу же после мирового первенства Игорек Кондаков преисполнился тщеславных надежд. В далеко простирающихся мечтах Кондакову виделись многомиллионные контракты – с именитыми командами вроде «Реала»; мячи, трещающие после его ударов в сетках вратарей «Челси» и «Милана»; принадлежащий лично ему замок под Парижем и мажордом в белых перчатках, наливающий ему вино, возвращенное на собственном винограднике... Слава богу, Игорьку хватало ума своими фантазиями ни с кем не делиться: ни с журналистами, ни, тем паче, с товарищами по команде – засмеют!

Однако мечты Кондакова довольно скоро стали сбываться. Родной клуб продал его (за два миллиона евро) клубу французскому, под названием «Лазурный берег». В Ницце Кондаков рьяно взялся было за дело, пару «банок» забил, но потом плотно засел на скамье запасных. Так и проторчал в запасе весь год – одна радость, что по Франции и другим европейским странам поездил. А по окончании сезона французики избавились от Кондакова: перепродали его назад, в Россию, но теперь уже в питерский «Всполох». Так что Кондаков, несмотря на свой юный возраст, уже успел познать и эйфорию успеха, и кислый вкус поражений, и томительное сидение в запасных. Спортсмены вообще взрослеют рано, и ярких эмоций им хватает – через край, и искушений тоже: и богатством, и славой.

Кондаков до сих пор более всех игроков сборной инте-

ресовал журналистов. Именно его – чаще, чем кого бы то ни было – просили об интервью. О нем чаще всего спрашивали и тренеров, и других футболистов. Желтые газеты взрывались шапками: «КОНДАКОВ ХОЧЕТ ИГРАТЬ В «ЧЕЛСИ»; авторитетные спортивные издания раздражались посвященными ему дискуссиями: «НЕ ПОГАСНЕТ ЛИ ЗВЕЗДА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА?»...

Мудрый друг его Карпов, прошедший и Крым, и Рим, и медные трубы, над всероссийским успехом Кондакова только посмеивался. К примеру, приговаривал, входя в столовку: «Ну-ка, где там надежда отечественного футбола? А-а, борщ жрет наша надежда! Скажи-ка, надежда, а когда ты снова будешь сниматься без одежды?..» Как ни странно, Кондаков никогда не обижался на прилюдные подколки Карпова, хотя, когда его в подобном тоне однажды стал задирать его ровесник Нычкин, Кондаков набросился на того с кулаками.

С тех пор Нычкин с Кондаковым практически не разговаривали. Новый тренер Команды попытался было их примирить – они в его присутствии пробормотали, что «все нормально», и пожали друг другу руки. Но формальное примирение не смягчило их взаимную неприязнь. И теперь старший тренер (или, как его называли в Команде – Старшой) вынужден был со взаимной неприязнью футболистов считаться – даже в плане на предстоящую игру. Он никогда не выпускал на поле одновременно и Нычкина, и Кондакова. Если, допустим, с первых минут за сборную играл Нычкин,

то во втором тайме его обычно сменял Кондаков. И наоборот.

На поле выходит номер десятый – Нычкин Василий, 20 лет, проживает в Ростове-на-Дону. Играет за местный «Дон», нападающий. Не женат.

Нычкин, как и Карпов, играл в атаке. Был он даже еще более юным, чем Кондаков, и, пожалуй, амбициознее, чем тот. Ему покуда казалось: зеленый газон, расчерченный мелом, есть ровная, красивая поляна, окруженная восторженными болельщиками. А вокруг нее – девочки и спортивные агенты, которые наперебой бросают под ноги «мастеров кожаного мяча» цветы, бюстгальтеры и (главное) контракты на миллионы евро. Молодой Нычкин не ведал еще о том, что прекрасно знал мудрый Карпов (и о чем начинал догадываться Кондаков): о бесславных поражениях, бесконечных «поломках» и растяжениях, о месяцах на костылях и в больницах и о том, как мучительно болит каждая клеточка тела, когда ты начинаешь восстанавливаться и грузить себя...

Нычкин выступал за второразрядный ростовский клуб, был коренным южанином (даже, кажется, на четверть черкесом). Поэтому, кстати, обладал преизрядным любовным темпераментом. Женщины его темперамент чувствовали и вешались на Нычкина гроздьями. Еще бы! Черночубый статный красавец, к тому же – игрок сборной команды страны. А лопатник его ломился от баксов, рублей и кредитных кар-

точек.

Василий Нычкин тоже пребывал в данный момент в Светловке, однако свою комнату практически не покидал. Причина оказалась простой – к нему из Москвы приехала белокурая старлетка, и он спешил насытиться ею, пока завтрашний самолет не унесет его на берега Дона.

Нравы теперь на базе царили вольные. Новый тренер разрешал игрокам и пить, и блудить. Все, что угодно, лишь бы они хорошо играли и забивали. Поэтому прижимистый Нычкин решил не тратиться на московскую гостиницу или, скажем, снимать на ночь квартиру. Он взял да и привез свою модельку на базу в Светловку. Он даже к ужину ее вывел, оторву, в шелковом халатике на голое тело. А чего там! Старшой с базы уже слинял, а свои парни и администратор Гера не заложат.

При явлении в столовой ослепительной блондинки ровесник Кондаков демонстративно отвернулся от нее и от Нычкина. Все подумали, что Кондаков, как всегда, нос воротит от партнера – и были, в общем, правы. Но не совсем. Только мудрый Карпов знал, что дело заключается еще и в том, что когда-то, полгода назад, именно эта моделька была девушкой Кондакова. Потом он ее бросил (как он сам рассказывал о случившемся Карпову). Ну, он девушку бросил, – а бережливый и хозяйственный Нычкин подобрал.

И, право, было что подбирать. Грудь торчком, тело лощеное, холеное, сильное. Голос хрипловатый, походка грациоз-

ная, ноги – устанешь, пока осмотришь с начала до конца. Ну и натуральная блондинка, естественно. А зовут – Снежана.

На трибунах группа поддержки – Тимошенко Снежана,

19 лет, москвичка. Модель. Не замужем.

За ужином Снежана чирикала без умолку. О чем только не рассуждала: и о том, что им, моделям, как и футболистам, без фитнеса не прожить. И про то, что красная икра помогает организму насытиться протеинами. И как тяжело постоянно мотаться по съемкам и подставлять лицо-голову под безжалостные эксперименты стилистов...

Болтушку Снежану быстро перестали слушать, а Карпов потом жаловался, что от ее голоска у него мигрень началась. В общем, все облегченно вздохнули, когда девушка манерным движением отложила грязную салфетку и встала из-за стола.

А после ужина Василий и Снежана забрались в нычкинский номер и ни разу оттуда носа не высунули. Порой из комнаты доносился громкий, словно театральный, смех Снежаны: «Ах-ха-ха-ха!»

При сих звуках мудрый Карпов усмехался, а горячий юный Кондаков слегка бледнел.

Это хорошо видели еще два игрока Команды – последние из числа тех, кто присутствовал на базе.

По странному стечению обстоятельств, оба они были вра-

тарьями. Первого звали Овсянниковым. Футбольная карьера его была на исходе. В сборную команду страны его приглашали скорее по инерции. Играл он только в товарищеских да в малозначащих официальных матчах против какой-нибудь Андорры. Карьера его, впрочем, полетела под откос еще несколько лет назад. Тогда, в ответственной игре против сборной российских заклятых соперников, он сам выронил мяч в собственные пустые ворота. В итоге тот матч наша команда проиграла, не вышла из группы в четвертьфинал, и этой «пенки» болельщики не смогли простить Овсянникову. Не смог этой ошибки и этого позора простить и он – сам себе. С тех пор на лице Овсянникова застыло – кажется, навсегда – брюзгливое выражение. Создавалось впечатление, что он всем на свете недоволен. Хотя, когда выходил на поле, он и старался, и играл вроде неплохо, но любому мало-мальски смыслящему болельщику (не говоря уже о тренерах и самих игроках) при одном лишь взгляде на него становилось ясно: нет, не боец. Не орел.

На скамейке запасных – номер двадцатый – Овсянников Кирилл,

32 года, проживает в Самаре. Играл за «Красные крылья». Женат, имеет сына.

На базе Овсянников задержался оттого, что родные самарские «Красные крылья» наконец-то смилоствивились над ним и продали его во второразрядный швейцарский клуб.

Владельцы «Красных крыльев» решили: пусть, мол, поиграет ветеран напоследок в Европе, на пенсию себе подзаработает. Никаких перспектив, что он снова выплывет в большой футбол, у Овсянникова все равно не было. Теперь ему оставалось доиграть два-три сезона, подкопить деньжонок, чтобы обеспечить себя на первое время, а потом найти место детского тренера где-нибудь за бугром. Вопрос о переходе к швейцарцам в принципе был решен. Овсянникову предстояло только уладить кое-какие бюрократические проблемы в посольстве – сдать документы на рабочую визу. Этим он и собирался заняться завтра с утра, потому и остался в тот вечер на базе.

И вот Овсянников шлепал картами в вечном матче в «дурака» против Кондакова с Карповым.

Партнером Овсянникова был его молодой друг и вратарь номер один российской сборной по имени Ренат Галеев. Галеев с Овсянниковым тоже дружили, как очень часто водится у вратарей. Оба немногословные, они целыми днями и фразой могли не перемолвиться, однако при этом у всех вокруг создавалось впечатление, что они прекрасно друг дружку понимают.

Галеев в частной жизни производил впечатление этакого лопушка: скромный, спокойный, даже вроде затюканный. Но под этой маской на поле скрывался умный и хитрый голкипер, а в жизни – твердый и упрямый карьерист (в самом хорошем смысле этого слова). У Галеева жизнь была расписа-

на наперед лет на двадцать. Те, кто знал Рената поближе, ведали о его далеко идущих планах. Нынешний сезон он собирался, так и быть, доиграть в своем провинциальном российском «Ястребе». На следующий – он надеялся – его купит какой-нибудь не самый крутой итальянский или испанский клуб. В нем он отыграет пару сезонов, а потом его продадут великой «Барсе». Или «Интеру». Или «Реалу». Вратари играют лет до тридцати пяти, и когда придет пора вешать бутсы на гвоздик, Ренат надеялся сколотить себе изрядное состояние. Ну и тогда он обзаведется покорной красавицей-женушкой, что нарожает ему кучу детишек и будет готовить плов и манты на собственной вилле где-нибудь на Лазурном берегу.

Место в воротах занимает номер первый – Галеев Ренат,

23 года, проживает в Саратове. Играет за «Ястреб», вратарь. Не женат.

...Итак, время шло к полуночи. Тишина и пустота царили на базе. Здесь оставались одни только игроки. Вся обслуга – повара, дневные сторожа, горничные и администратор Гера давно ушли в свой отдельно стоящий домик. Нычкин продолжал у себя в номере сексуальные игры со Снежаной, а два вратаря – Галеев в паре с Овсянниковым – сражались в «дурачка» против двух полевых, Карпова с Кондаковым. Больше в трехэтажном помещении базы никого не было.

Партия в «дурака» складывалась не в пользу голкиперов.

Эта пара безнадежно проигрывала. Они продули уже шесть игр подряд. И теперь дело близилось к очередному поражению. Карпов и Галеев уже вышли из боя, и теперь молодой нападающий Кондаков наседавал на стареющего голкипера Овсянникова. Судя по азартному лицу Кондакова, карта у него была хорошая, и он приготовился вот-вот закинуть Овсянникова.

– На, получи! – он бросил на стол очередную карту.

Овсянников отбил.

– А вот тебе еще! – он азартно выложил козырного вале-та. По расчетам Кондакова, козырей на руках у Овсянникова уже не оставалось. После этого хода тот должен был загрести все и больше уже не отбиться. Парочка Кондаков – Карпов вот-вот одержит победу с разгромным перевесом – 7:0.

Неожиданно Овсянников улыбнулся своими тонкими губами и небрежно проговорил:

– А вот тебе! – и побил вале-та козырным королем.

Кондаков секунду соображал: «Как же так могло получиться?!» Потом вскинул на Овсянникова выпученные глаза. Он был удивлен и раздосадован:

– Откуда этот король?

– От верблюда, – буркнул Овсянников.

Непонятно, что рассердило Кондакова больше: невесть откуда взявшийся король или высокомерный тон вратаря. Он вскричал:

– Ты чего?! Ты чего творишь?!

– А чё? – невозмутимо ответил Овсянников.

– Этот король вышел в самом начале! – горячий Кондаков вскочил и угрожающе надвинулся на Овсянникова. – Мухлюешь, урод?!

– И правда, Овсо, – невозмутимо поддержал своего карточного партнера Карпов, – козырный король был у меня. И он, вообще-то, вышел. Я им козырную десятку побил.

Овсянников, всегда само спокойствие, вдруг швырнул на стол свои оставшиеся карты и тоже вскочил. Он гаркнул в сторону Кондакова (видать, шесть проигрышей подряд достали вратаря и привели к неадекватной реакции):

– Ты чего, мля, лепишь?! Ты за базаром следи!

– Не фиг блефовать, жучила! – взорвался, в свою очередь, Кондаков.

У Овсянникова на щеках заиграли желваки.

– Ах ты, щенок, мля! Сученыш!!

Кондаков побледнел, крикнул во все горло: «П...с!!» – и бросился через стол на Овсянникова. Карты разлетелись. Зашатался журнальный столик.

Кондаков успел съездить Овсянникова по лицу. Тот отступил и замахнулся в ответ. Галеев с Карповым тоже вскочили. Каждый из них попытался схватить своего дружбана.

Карпов уцепил Кондакова, Галеев – Овсянникова. Азартный Кондаков извивался в руках партнера, вырывался, бросался в бой. Овсянников быстро остыл. Удар по лицу, полученный от нападающего, вроде бы привел его в чувство. Он

позволил Галееву себя скрутить и теперь стоял в его объятиях набывчившийся, готовый к драке.

– Ах ты, Овсо! Ах ты, падла!! – прокричал разбушевавшийся Кондаков. – Ты у меня еще повертишься!!

– Сам ты гнида казематная, – спокойно проговорил в ответ вратарь.

– Убью, г...юк! – продолжал бушевать обеспамятевший молодой нападающий. – Уничтожу! Закопаю!

Овсянников еще больше побледнел, но ничего не ответил – только глаза его сузились от злобы.

Карпов, державший в объятиях Кондакова, отпихнул его в сторону, подальше от вратаря. Он, в свою очередь, заорал на разбушевавшегося молодого друга:

– Ладно, хорош!! Оставь его! Хорош, я сказал!

– А чего он мухлюет? – жалобно, почти по-детски пожаловался Кондаков.

– Все, брэйк! – прокричал Карпов обоим соперникам. – Быстро разошлись!!

Слово Карпова всегда имело воздействие на игроков сборной – недаром он был капитаном команды.

– Все, хватит! Разошлись – и по койкам марш! Раз играть не умеете!

Невозмутимый Галеев поддержал Карпова. Он миролюбиво обратился к Овсянникову:

– Ладно, Овсо, хватит. Оставь его. Мы с тобой не правы. Не надо было этого короля на вальта ложить.

Овсянников стоял, хмуро скрестив руки на груди. Кондаков с насмешливым презрением наблюдал за ним.

– Брось, – примирительно продолжал Галеев, обращаясь к своему коллеге-вратарю. – Ну, хотел мухлюнуть – не вышло. А раз не вышло – значит, абзац. Не корову проигрываем. Чего тут париться! Зачем разборки, блин, устраивать?

Уговоры и Галеева, и Карпова подействовали на врагов. Кондаков и Овсянников обмякли в их руках. Драться уже никто не хотел. Кондаков смерил презрительным взглядом своего недруга, вырвался из рук Карпова, развернулся и стремительным тайфунчиком вылетел из комнаты отдыха. Галеев отпустил Овсянникова и стал собирать расшвырянные по столу и полу карты.

– Вот и поиграли, – с усмешкой сказал Карпов и зевнул. – Ладно, мужики, я в люльку.

Карпов не спеша вышел из комнаты. Овсянников молча помог Галееву собрать карты.

Спустя три минуты свет в комнате отдыха погас. Это было в десять минут первого ночи.

Спустя еще полчаса на базе воцарилась тишина. Но то была не полная, мертвая тишина сонного царства. Тот, кто лежал без сна и прислушивался ко всему происходящему, мог различить в этом покое самые разные отдаленные звуки. Из комнаты отдыха чуть слышно то бубнил, то пел телевизор. В районе того номера, где расположились Нычкин со своей любовницей Снежаной, раздавались шепотки, открывалась

дверь, слышался звук шагов. Кто-то вроде бы ходил и по улице, стучал каблуками. Потом, кажется, донеслось хлопанье входной двери, ведущей в корпус. Затем, наконец, все успокоилось. Тихий саван ночи окутал Светловку...

...А потом вдруг ночную тишину прорезал женский крик. Крик, полный ужаса и отчаяния.

Он раздавался из комнаты Нычкина.

Глава 2

Пятеро подозреваемых

Тишина и темнота лежали над Светловкой, над Подмосковьем, над всей Россией. А здесь, на базе футбольной сборной, взбудораженной диким женским воплем, слышалось хлопанье дверей, шаги, голоса.

Карпов, стареющий легионер из «Реал-Валенсии», пришел на Снежанин крик первым. Именно пришел, а не прибежал, потому что все в жизни, что происходило за кромкой футбольного поля, он делал нехотя, с очевидной ленцой.

– Ну, ни фиги ж себе... – пробормотал он, заглянув в номер Нычкина.

В комнате ярко горела люстра, по полу была в беспорядке разбросана одежда – незатейливая мужская и кружевная женская. Окно в номере распахнуто настежь, и в черноте за ним летали крохотные первые снежинки быстро перешедшие в дождь. А на кровати лежал, раскинув руки... нет, не хозяин комнаты, не Нычкин.

Это был юный друг Карпова – Кондаков. Лицо бледное, глаза закрыты.

Измятые простыни пропитались кровью. Голая рука свешивалась к полу. Голова – запрокинута. Рядом на кровати валялся окровавленный нож.

А на пороге комнаты стояла нычкинская девушка, модель Снежана, в одном халатике. Она прислонилась к косяку и рыдала, зажимая рот рукой.

Но почему Кондаков оказался здесь, в чужой постели? Почему расположился в ней голый? И, главное: кто и зачем перерезал ему горло?

Снежана молча рыдала. Когда-то она была девушкой убитого Кондакова. Теперь она стала любовницей хозяина номера – Нычкина. Да и прочие игроки сборной, хоть от щебета ее и морщились, но поглядывали на нее с вожделением. Победительная блондинка-модель, казалось, могла уложить в свою кровать любого, кого бы только захотела.

Но сейчас... Сейчас на нее было жалко смотреть. Эффектная модель – грудь торчком, ноги от ушей – на глазах превратилась в маленькую испуганную девчонку. По щекам текли слезы, она вся съежилась, и даже казалось, что ее роскошные формы уменьшились на пару размеров.

...Тут на крик подоспел наконец Нычкин, хозяин номера. Он был одет в тренировочный костюм. В прорези куртки виднелось мускулистое волосатое тело. Роскошный чуб встрепан. Нычкин заглянул в свой собственный номер, подслеповато сощурился от яркого света. Пару секунд он остолбенело глядел на убитого, раскинувшегося на его личной кровати, а затем перевел взор на свою съезжившуюся любовницу – фотомодель Снежану.

– Ну, ты даешь, мать... – угрожающе пробормотал он.

Снежана ничего не ответила, только зарыдала еще пуще, закрыв глаза рукой.

– Значит, взялась за старое, да? – протянул Нычкин, обращаясь к бедной старлетке. Казалось, его не столько поразила факт убийства товарища по сборной, сколько мысль о том, почему и как в его собственной кровати вдруг оказался Кондаков. Для него ответ был очевиден: воспользовавшись его отсутствием, Снежана пригласила туда Кондакова. И он сурово спросил её:

– Поблудить решила? Хозяин из лавки – мыши в пляс. Так, да?

– Васечка... Я тебе все объясню... – пролепетала Снежана. – Васечка...

– Шлюха ты натуральная! – с горечью бросил Нычкин.

– Не было у нас с ним ничего, Васечка... – жалко кривя рот, забормотала Снежана.

– Не было! Расскажи об этом своей бабушке!

– Он хотел, но не было... – сквозь слезы проговорила девушка.

– Потому что ты его убила, – с нервным смешком бросил Нычкин.

– Не-ет! – отчаянно выдохнула-выкрикнула Снежана.

– А, может, он и не мертв вообще, – задумчиво, как бы самому себе, сказал Карпов.

Покуда Снежана с Нычкиным выясняли отношения, он стоял на пороге и тщательно рассматривал внутренности но-

мера.

– Надо пульс хотя бы проверить, – продолжил он. – А ты, Нычкин, давай в милицию звони. И Старшому.

Вялый, негромкий голос Карпова всегда оказывал магическое действие на партнеров по команде. Его слушались беспрекословно – капитан он и есть капитан. Вот и сейчас Нычкин тут же перестал пререкаться со Снежаной. Отступил на пару шагов в глубь коридора. Пошарил по карманам тренировочных, видимо, в поисках мобильного. Не нашел. С горечью бросил в адрес модельки:

– Коза ты драная!

Снежана заплакала еще пуще.

Нычкин вздохнул и потопал по коридору – очевидно, за телефоном.

И в этот момент Карпов оказался рядом с номером практически в одиночестве – зареванная Снежана отвернулась и пыталась бумажным платочком промокнуть свои слезы. Тогда Карпов осторожно вошел внутрь комнаты. Мягко, неслышно ступая, он приблизился к кровати. Дотронулся до безжизненно откинутой руки Кондакова. Попытался нащупать на ней пульс. Долго его искал, а потом махнул рукой и тихо пробурчал себе под нос:

– Мертвее не бывает...

Затем он обогнул кровать и подошел к распахнутому окну. Вгляделся в темноту. Комната находилась на первом этаже. Внизу, под окном, расстиралась асфальтовая дорожка.

На ней стояли лужицы. Поверхность луж рябили острые и мелкие капли дождя. Ни единого огонька не было видно из окна. Ни малейшего шороха не раздавалось в ночи.

Карпов внимательно рассмотрел подоконник. Пробормотал про себя:

– Похоже, убийца убрался из номера через окно...

Развернулся, пошел к выходу из комнаты. Потом вдруг остановился, бросил вороватый взгляд на Снежану: не видит ли она. Но девушка стояла отвернувшись.

Тогда Карпов быстро нагнулся, поднял что-то с пола и сунул себе в карман. Снежана как раз промокала лицо платочком и манипуляций Карпова не заметила.

Не успел Карпов вернуться к порогу комнаты, как к номеру, где лежал убитый, снова явился Нычкин. Доложил Карпову:

– Я позвонил в милицию. И Старшому.

– Ну, как он?

– В шоке, ясное дело, – пожал плечами Нычкин.

– Когда он приедет? – поинтересовался Карпов.

– Не скоро. Он уже в Словакии.

– Что он там делает? – удивился Карпов.

– Отсматривает наших будущих соперников по подгруппе. Но он обещал позвонить министру спорта и в Министерство внутренних дел. Чтобы менты лучше копали.

– Чтоб лучше копали, говоришь... – усмехнулся Карпов. – А зачем? Может, им, наоборот, лучше поменьше копать? –

Испытующим взглядом он окинул товарища по нападению с ног до головы. – Как ты думаешь? А, Нычкин?

Тот побледнел:

– Ты на что это намекаешь?

– Да так...

– Нет, ты уж договаривай! Думаешь, это я Кондакова убил?!

– А почему нет? – дернул плечом Карпов. – Все знают, как вы с ним любили друг друга. – Слово «любили» Карпов иронически выделил.

– Не любить – это одно, – с едва сдерживаемой яростью произнес Нычкин. – А убить – совсем другое.

– Ясное дело, – саркастически хмыкнул Карпов.

Диалог двух форвардов, рискующий перерасти в ссору, а то и в потасовку, прервало появление вратаря сборной команды Галеева. Он возник на пороге нычкинского номера в тапочках, в спортивном костюме. Вид Ренат имел весьма заспанный. Он заглянул внутрь комнаты, увидел мертвого Кондакова и только присвистнул. Карпов внимательно наблюдал за его лицом и был готов поклясться: то, что питерский центрфорвард убит, Галеева несколько не удивило.

И тут наконец появился последний из числа игроков, что оставались на базе, – второй вратарь футбольной сборной Овсянников. Его вечно застывшее лицо не переменяло выражения, когда он увидел, что его товарищи среди ночи собрались у дверей ярко освещенного номера с мертвым телом

Кондакова на кровати. Овсянников был, как и Карпов, одет в тренировочный костюм на голое тело. Волосы его были мокрыми, словно он только что вышел из душа. Ладони и кисти рук красные – будто долго белье едким порошком стирал.

– Да, дела-а... – протянул Овсянников, оглядев всех собравшихся. – Кто ж это Игорька-то нашего, а?

Один из них

За месяц до описываемых событий

Он смотрел на ее фотографию.

Все его тело пронизывало томление.

У него было много ее фотографий. Все, которые он смог достать. И в Интернете, и в журналах, и у знакомых фотографов. Но этот снимок он любил больше всего. Он его обожал.

Как хорошо, что перед чемпионатом в Португалии девочки придумали сняться обнаженными!

И ее фотка получилась откровенней всех. И лучше всех. Она вообще была прекрасней, чем кто бы то ни было. Самой прекрасной на свете.

Фотограф запечатлел ее в футбольных бутсах и гетрах. Больше на ее теле ничего не было – если не считать крошеч-

ных стрингов. Волосы были уложены в изящный, намеренно взлохмаченный хвостик. В руках, запрокинутых за голову, она держала футбольный мяч – словно бы аут выбрасывала. Тело ее напряглось и выгнулось. Обнаженные груди дерзко торчали. Ни на животе, ни на бедрах не было ни жиринки. Рот дерзко и сексуально улыбался.

О, как бы он хотел налететь, наброситься, подмять ее под себя, навалиться на нее всей своей тяжестью! Она должна принадлежать ему! Он хотел обладать ею. Он хотел вдвинуть ей между бедер свой мощный, твердый стержень. (Даже сейчас, когда он просто рассматривал ее фото, эрекция была сильнейшей, спину крутило от желания, дыхание перехватывало.) О, как бы он хотел облегчить в ее тепло свою мощь! Выпустить в нее свой заряд! Измотать ее, загонять, расслабить. Добиться, чтоб она царапала ему спину. Чтобы из ее горла рвались всхлипы и вскрики «Еще!».

Она должна быть его. Реальная, живая, а не фотографическая. Он хочет ее. Хочет обладать ею, как никакой другой женщиной в целом мире.

И ради этого он готов на все. Готов на безумства. Готов расстелить перед ней коврами все богатства мира. Готов похитить ее, как это делали поколения его предков.

Но у их союза, у их любви есть препятствие. Это Он. Он сейчас с ней, и она, кажется, любит Его и не уйдет от Него. Она принадлежит другому.

А если Его – этого другого – не станет? Если Он вдруг

уйдет, испарится, исчезнет? Погибнет? Тогда...

«Только тогда у меня есть шансы», – вдруг впервые со всей ясностью понял он.

Он снова глянул на ее портрет. Как хороша! Как свежа! Как юна и упруга!

И после этого мысли его стали ясными и отчетливыми. Да, Он должен исчезнуть. «Он мешает мне – значит... Значит, надо поступить так, как поступали сотни, и тысячи, и миллионы моих предков. Они убивали того, кто им мешает. Значит, и мне Его надо убить», – сформулировал он и сам содрогнулся всей ясности и безжалостности того, что ему придется совершить.

Он отбросил портрет оттого, что понял. Все понял. Оттого, что решение было принято и оставалось только воплотить его в жизнь. Составить план, дожидаться удобного случая – и убить. Убить Его. Своего соперника.

Глава 3

На поле выходит судейская бригада

– Вставай, Варвара!

Варя дернулась и проснулась. Она только-только начала засыпать: в одежде, в кресле, в неудобной позе. Но сон ей снился сладкий: море, парус, солнце, сосна на скалистом берегу.

Варя открыла глаза. Перед ней стоял оперативник. Он легонько похлопывал ее по плечу.

– Вставай, Варвара! – еще раз повторил он и добавил: – Опергруппа – на выезд.

– А сколько времени? – Варвара потрясла головой, отгоняя остатки сна.

– Четверть четвертого, – откликнулся оперативник.

– О, господи, – выдохнула она. – А что случилось?

– Случилось то, что мы в полном дерьме.

– А что такое?

– Убийство.

– Бывает, – с напускным, нехарактерным для нее цинизмом проговорила Варя. Цинизма она успела поднабраться от коллег по оперативно-следственной бригаде.

– Но ты еще не знаешь, кого убили, – вздохнул Опер.

Варя рывком поднялась. Оперативник уже выходил из дежурки. Времени, чтобы умыться и привести себя в порядок, у Варвары не было. Она поспешила вслед за майором. Тот уже спускался по тихой лестнице областного управления. Звук его шагов гулко разносился по пустым пролетам. Все остальные члены дежурной бригады, видимо, уже ждали их в машине. Варя нагнала Опера на первом этаже.

– Ну, и кого убили? – спросила Варя.

– Угадай с трех раз.

– Депутата?

– Нет.

– Министра?

– Тоже нет.

– Тогда не знаю. Даже страшно подумать, кого.

– Футболиста.

– И только-то! – вырвалось у Варвары.

Они усаживались в машину, черную «Волгу». Опер открыл перед Варей заднюю дверцу и галантно пропустил ее вперед. В машине уже сидели следователь – на переднем сиденье и эксперт – на заднем. Варвара поместилась сзади в центре, рядом с экспертом. С другой стороны плюхнулся Опер.

Оперативник бросил водителю:

– Поехали! – и повернул голову к Варе: – Футболисты разные бывают. Иной поважнее любого депутата, – с легкой усмешкой сказал он.

– Ну, и кого убили? – поинтересовалась Варя.

– Игоря Кондакова. Слыхала о таком?

– Представь себе, слышала.

– Значит, догадываешься, какой бэмц поднимется по этому поводу.

– Не-а, – честно сказала Варя. – Не догадываюсь.

В ее биографии и вправду еще не случилось ничего подобного.

– А вот я представляю, – вздохнул майор, и остальные члены опергруппы его, казалось, молчаливо поддержали. Они сидели в темноте салона строгие, нахохленные, сосредоточенные.

– Дал бы нам бог, – со вздохом продолжил свою мысль Опер, – размотать это дело по горячим следам... – И обратился к водителю: – Давай, Евсеич, погоняй!

«Волга», взревев сиреной на ночной улице, проскочила на красный свет.

...В этой оперативно-следственной бригаде Варвара Кононова была никем. Не следователь, не оперативник и не эксперт. И даже не поисковик с собакой. Просто прикомандированный стажер. Ей так и сказали ее начальники в виде напутствия: «Ты, Варвара, главное, сиди там тихо. Все слушай, подмечай, запоминай. И никуда не лезь».

Прошло уже больше года, как Варя, выпускница факультета ВМК¹ МГУ, приняла присягу, и ей было присвоено зва-

¹ Высшая математика и кибернетика.

ние «лейтенант ФСБ». Да, не думала она, не гадала, в детстве не мечтала, а жизнь повернулась настолько хитро, что она стала сотрудницей спецслужб. Причем спецслужб такого уровня, что даже звание сотрудника ФСБ было для нее всего лишь прикрытием.

Служила Варя в организации, которую ее коллеги называли между собой просто *комиссией*. Комиссия эта была засекречена настолько, что о ее существовании знали (помимо, конечно, ее служащих) всего четыре человека на самых верхних ступенях иерархии российской власти: президент, министр обороны, начальник Генерального штаба и руководитель ФСБ. Комиссия занималась странными вещами, но кто-то должен же был заниматься и этим...

Они изучали и нейтрализовывали необычные явления в природе и обществе, имели дело с телепатией, телекинезом и прочей экстрасенсорикой.² Варвара работала в отделе «О» – то есть оперативном. Подчинялась она непосредственно начальнику отдела подполковнику Петренко. На счету у Вари уже было одно расследование, успешно ею проведенное, – причем практически в одиночку, безо всякого прикрытия, самостоятельно.³

Однако в один прекрасный день начальники спохвати-

² Подробности о деятельности комиссии можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Звезды падают вверх» и «Пока ангелы спят», издательство «ЭКСМО».

³ Об этом рассказывается в романе Анны и Сергея Литвиновых «Прогулки по краю пропасти», издательство «ЭКСМО».

лись: «Как это получается, что в оперативном отделе у нас служит человек не просто без базового образования, но и без всякого опыта практической работы?!» И тогда Варвару в срочном порядке отправили слушать лекции в Высшую школу ФСБ, а в виде практики включили в дежурную оперативно-следственную бригаду при управлении внутренних дел Подмосковья.

Ох, и навидалась она за два месяца дежурств в бригаде! Вот уж где никакой мистики и экстрасенсорики не было. Все приземленно, грубо, гадко, кроваво. Убийства по пьянке. Разбойные нападения ради пачки сигарет и пятидесяти рублей. Развратные действия по отношению к десятилетнему мальчику... Вся грязь и мерзость, присущая нашему обществу, о которой Варя раньше только доводилось слышать в сводке происшествий, предстала перед ней во всей своей отвратительной красе.

Но и научилась Варвара, чего греха таить, у милиционеров многому. Проводить осмотр места происшествия. Снимать отпечатки пальцев. Психологически давить на обвиняемых и раскалывать их. Она однажды даже жизнь спасла – себе и эксперту. Плохо зафиксированный подозреваемый – здоровенный бугай, обвиняемый в убийстве жены, бросился на них с огромным кухонным ножом. Ловким приемом карате Варя обезоружила его и сбила с ног, а подоспевший Опер застегнул-таки на его запястьях раскрывшиеся было браслеты.

Команда, вместе с которой Варя приходилось заниматься столь грязной работой, ей нравилась. Все – мужчины, все со сдержанным джентльменством относятся к ней, слегка ухаживают, и никто не старается немедленно залезть ей под юбку.

Формальным лидером их бригады был следователь прокуратуры – но только формальным. (Сейчас он покачивался на переднем сиденье «Волги».) Никто не считал бы двадцатипятилетнего Костика лидером какой бы то ни было команды. Недавний выпускник юрфака МГУ подался в прокуратуру не от хорошей жизни. Был он иногородним – кажется, из Чебоксар – и бесквартирным. Работа в прокуратуре была для него отчаянной попыткой зацепиться за Москву – возвращаться к себе в провинцию он категорически не хотел. Худенький, невысокий, с тонкими чертами, он был на полголовы ниже Варвары. У него даже, кажется, борода не росла, торчал только под носом какой-то кустик вместо усов. При этом Костик великолепно знал законодательство (все-таки МГУ – прекрасная школа, Варя знала это по себе), был цепок, ловок и быстро и опрятно оформлял все нужные бумаги.

Не формальным, а подлинным лидером их коллектива был оперативник. Циничный, веселый, никогда не унывающий майор Георгий Малютин по кличке Малюта. (Впрочем, Варя про себя предпочитала звать его Опером.) Он носил кожаную куртку с поднятым воротником, был жилист, си-

лен физически и упрям. На взгляд Варвары, оперативник напоминал молодого Высоцкого: такая же тяжелая челюсть, хриплый басок, внутренняя сдержанная эмоциональность и готовность взорваться в любой момент.

Был в бригаде еще и судмедэксперт – пожилой, седой, молчаливый Виктор Герасимович. Он никуда и ни во что не лез, тихо и споро делал свою работу и, казалось, считал дни, остающиеся ему до пенсии.

На базу футбольной сборной ехали в молчании. Шофер поставил на крышу «волжанки» мигалку, врубил сирену и выжимал из дряхлого авто буквально все, что оно могло дать. Стрелка спидометра уверенно зашкаливала за сто шестьдесят. Несмотря на скорость, гудение шин и мотора и тряску, двое мужчин – молодой следак Костик и пожилой эксперт Виктор Герасимович – дремали: первый откинулся на сиденье, второй уронил голову на грудь. Малютин, сидящий рядом с Варварой, не спал, смотрел, прищурясь, на проносящийся мимо ночной пейзаж. Варе тоже не спалось, и она глядела, как пролетают мимо деревеньки с двумя-тремя огоньками, как проплывают возвышающиеся на холмах темные громады «новорусских» замков. Убийство на базе футбольной сборной взбудоражило ее. Она понимала, что это было не рядовое преступление. Совсем не из серии типичных российских убийств: вместе выпили, потом поссорились, подрались, и один другого пырнул ножом. Смерть на базе сборной страны казалась Варе громкой, сенсационной, шокирующей.

Даже она, совершенно далекая от футбола, не раз слышала фамилию Игоря Кондакова.

Ей хотелось поговорить об этом, но Опер не выказывал ни малейшего желания начать разговор. И тогда Варвара произнесла, словно бы про себя, ни к кому не обращаясь:

– Интересно, кто замочил Кондакова?

Оперативник пробормотал сквозь зубы что-то похожее на: «Хотел бы я знать» – но на ее реплику неожиданно откликнулся следак Костик с переднего сиденья. То ли он и не спал вовсе, то ли проснулся.

– Скорей всего, заказуха, – предположил он.

– В смысле? – удивилась Варвара.

– Заказное убийство, – ответил следак.

– Футболиста-то? Зачем? – спросила Варя.

– Ты, Кононова, газеты читаешь? – с изрядной долей высокомерия спросил Костик. Он вообще не упускал случая самоутвердиться за счет почти равной ему по возрасту юной Варвары.

– Читаю, но не про футбол, – быстро отбрила его Варя. – Про футбол только бездельники читают.

– А это не про футбол, – откликнулся Костик. – Это криминальная хроника.

– Ну, и что же ты там вычитал? – усмешливо спросила Варя.

Она знала, что в обществе мужчин нельзя никому давать спуску, иначе набросятся всей стаей и загрызут.

– С Кондаковым, ныне убитым, был большой скандал, – вмешался в разговор Опер.

Его голос звучал любезно: он явно хотел погасить в зародыше ссору, назревающую между Варварой и Костиком.

– Какой же? – повернула к нему голову Варя.

– Ты про «дело Таманцева» читала?

– Нет. А что за дело?

– В позапрошлом году клуб, за который играл Кондаков, – это был московский «Гладиатор» – продал его французам, в «Лазурный берег». Но денежки, которые французы заплатили за Кондакова «Гладиатору», в Россию не дошли. Осели на личных счетах президента данного клуба, а также главного тренера «Гладиатора» Таманцева в Швейцарии.

Опер приоткрыл окно «волжанки» – в салоне стало еще шумнее, внутрь ворвался вихрь прохладного сырого осеннего воздуха. Милиционер закурил.

– Ну, и что дальше? – спросила Варвара. Она обращалась только к Оперу, напрочь игнорируя сидящего на переднем сиденье молодого следака.

– Полгода назад УБЭП начал следствие – по поводу ухода от налогов. А через два месяца после этого президента «Гладиатора» убили. Темная история.

– Явная была заказуха, – пояснил следак Костик.

– Да, – поддержал его Опер. – Убили президента клуба в подъезде. Два выстрела, и контрольный в голову.

Он замолчал, затаился.

– Ну, и что дальше? – поторопила его Варвара.

– Что – дальше? – усмехнулся следак. – Убийцу ищут.

Ищут везде, но не могут найти.

– А при чем же здесь футболист? Зачем его убивать? – изумилась Варя. – Он ведь в данной истории только пешка. Что-то вроде породистого коня.

– Породистого коня, говоришь!.. – усмехнулся Опер. Ему явно понравилась Варина метафора. – Хорошо сказано. Однако, в отличие от скакунов, у футболистов есть мозги.

«Ой ли», – подумала Варвара, но озвучивать свою мысль не решилась. Все-таки мужики кругом, еще оскорбятся.

– ...Кондаков мог о каких-то деталях этой истории знать, – продолжал Опер. – Мог кому-то что-то рассказать. Или *угрожал* рассказать... Ну, ладно, что там гадать! Чего размазывать белую кашу по белому столу. Приедем, поглядим.

– Странное место для заказного убийства, – вслух поразмыслила Варвара. – Не подъезд, не автомобиль, не улица, а база футбольной сборной. Первый раз о подобном слышу.

– Все когда-нибудь бывает в жизни в первый раз, – melancholически ответил Опер.

Он щелчком вышвырнул в ночь недокуренную сигарету и закрыл окно.

– Бляха-муха, – вдруг проговорил дотоле молчавший шофер Евсеич, – как же теперь «Всполох» без Кондакова играть-то будет?

– Что там твой «Всполох»? – в сердцах сказал юный следок. – Так Питеру и надо! Как вот без него сборная будет? Чемпионат мира на носу!

– Может, его Фигу⁴ убил? – подала свою реплику Варвара. – Я слышала, он вроде в Москву приезжал...

Мужчины секунду опасливо помолчали (как обычно бывает, когда женщина вдруг врывается со своим суждением в разговор о футболе), а потом дружно расхохотались: оценили и то, что Варя знает футбольные реалии, и ее чувство юмора.

На своем месте у окна заворочался эксперт.

– Ржете, жеребцы... – проговорил он недовольным, тусклым со сна голосом. – Поспать человеку не даете...

А тут, наконец, и приехали.

База сборной команды по футболу в Светловке представляла собой огромную территорию за высокой кованой оградой. Испуганный сторож, не спросив документы, принялся открывать шлагбаум перед их «Волгой» с мигалкой.

Машина въехала на территорию базы. Где-то вдалеке угадывались футбольные поля. «Волга» подрулила к главному корпусу. Здесь уже стояли две милицейские машины: «газик» и «шестерка», а также одна понтовая иномарка, видимо, принадлежащая кому-то из игроков. В жилом трехэтажном здании второй и третий этаж были темны, зато на первом горело множество окон – неправдоподобно много для

⁴ Португальский футболист.

этого времени суток. Светящиеся окна, равно как и милицейские машины у входа, красноречиво свидетельствовали о том, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее. Горели огни и в двухэтажном флигельке, расположенном чуть в стороне от главного корпуса.

Оперативная бригада вышла из машины. Милицейский сержант, топтавшийся у входа в здание, козырнул им.

– Где место преступления? – деловито спросил у него юный следователь Костик.

– Направо, а потом налево, там сами увидите, – угодливо стал объяснять мильтон, помогая себе руками.

Следователь кивнул, и они вместе с экспертом, небрежно помахивающим чемоданчиком, пошли в указанном направлении. Опер чуть придержал Варю и сказал ей вполголоса:

– Ты туда пока не ходи. Найди всех, кто находился в момент убийства на базе. Перепиши данные с паспортов. А потом собери их всех вместе в какой-нибудь комнате, чтоб все были под рукой.

– А если будут артачиться? Все ж таки футболисты сборной. Люди известные.

– Тогда объяснишь им – популярно и без хамства, – что мы можем любого из них, как подозреваемого в убийстве, задержать на семьдесят два часа. И тут же отправить в КПЗ. И без всякой санкции прокурора.

– Есть, – кивнула Варвара.

– Да, еще. Приставь к ним какого-нибудь сержанта. Чтобы

они ни о чем не сговаривались и ничего друг другу не передавали. Поняла?

– Так точно, – выдохнула Варя.

– А потом найди нам комнатку, где мы могли бы людей опрашивать.

Варвара кивнула.

– И организуй нам всем кофейку. Тут, я чувствую, дело такое, что без бутылки не разберешься. Или хотя бы без чашки «Арабики»... Справишься? – с доброй улыбкой осведомился Опер.

– Справлюсь, – заверила Варя.

Она буквально на днях «гуляла» в Интернете, забрела на какой-то форум и поучаствовала в опросе на тему «Какой у вас нюх?». «Как у волка», – ответила тогда Варя и очень удивилась, когда оказалось, что прочие участники опроса жаловались на полное отсутствие нюха или, в лучшем случае, сравнивали себя с кошками. Но какой же у котов нюх – только валерьянку чуют и умеют. А вот Варвара, едва сунула нос в помещение базы, сразу почувствовала: здесь пахнет новым ковролином, кожаной мебелью, чипсами, мокрой обувью... И кофе. Причем хорошим.

– А я пока посмотрю внешний периметр. Поговорю со сторожем, – проинформировал ее Опер.

...Спустя полчаса все пятеро подозреваемых, находившихся в момент убийства в главном корпусе базы, были помещены в столовой под надзор милиционера-сержанта. На

кухне Варя реквизировала электрический чайник, а также запасы кофе и сахара. А будущий «штаб расследования» Кононова разместила в комнате отдыха базы.

Итак, все поручения Опера она выполнила быстро и четко. И к тому же составила собственноручно список тех, кто находился в момент убийства в главном корпусе.

1. Карпов Евгений, 32 года, постоянно проживает в Валенсии, Испания. Играет за «Реал-Валенсия», нападающий. Женат, двое детей.

2. Нычкин Василий, 20 лет, проживает в Ростове-на-Дону. Играет за местный «Дон», нападающий. Не женат.

3. Галеев Ренат, 23 года, проживает в Саратове. Играет за «Ястреб», вратарь. Не женат.

4. Овсянников Кирилл, 32 года, проживает в Самаре. Играет за «Красные крылья». Женат, имеет сына.

5. Тимошенко Снежана, 19 лет, москвичка. Модель. Не замужем.

Как раз к тому времени следователь и эксперт управились с осмотром места происшествия. Тело несчастного Кондакова из номера унесли, и «труповозка» отвезла его в морг. Следователь остался в номере, чтобы составить протокол, а Опер и эксперт отправились в «штаб расследования», чтобы покурить и покалякать. Тут и Варвара со своим списком основных подозреваемых подоспела. Опер взял его, просмотрел и сказал:

– Добротно. Молодец, Варвара, – но все ж таки подпустил

шпильку: – Только непонятно, зачем ты про ихнее семейное положение пишешь? Замуж, что ли, за кого из них собираешься?

Когда работаешь в мужском коллективе, расслабляться нельзя ни на секунду. Варвара вспыхнула.

– А что, это можно, – задумчиво, словно бы всерьез, продолжил Опер. – Футболисты нынче – люди богатые. Правда, кто-то из них, этих четверых, теперь под статьей ходит.

Варвара сухо сказала:

– Я просто переписала все возможные данные. Чтоб вам же было легче работать.

– Ладно, ладно, – Опер потрепал ее рукой по плечу. – Не обращай внимания. В четыре утра я всегда шучу неудачно.

– Кстати, прошу обратить внимание: эта модель Снежана Тимошенко тоже не замужем, – не удержалась от ответной шпильки Варя. – Можете действовать.

– Ох, избави меня бог от моделей, – скривился Опер. – Ладно, садись, Варвара, перекури.

– Вы же знаете: я бросила. И вам советую.

– Бросим, Варенька. Обязательно бросим. Но не в четыре утра, когда над нами «мокруха» висит.

И Опер вместе с экспертом закурили в два горла. Пепельницы в комнате отдыха не нашли, стали стряхивать пепел в блюдечко, которое достали из шкафа с посудой.

Варя тихонечко, как мышка, устроилась в углу в богатом кожаном кресле. Достала ручку, положила на колени блок-

НОТ.

...В начале ее практики коллеги по оперативно-следственной бригаде Варвары чурались: «Что это, мол, за комитетчицу тут за нами надзирать прислали?»

Но Варя держалась скромно. Глупых и подозрительных вопросов не задавала. «Вынюхивать» ничего не «вынюхивала». Ненавязчиво, но с искренним интересом училась у коллег милицейскому мастерству. И постепенно мужики привыкли к ее постоянному присутствию. Поверили, что она никакая не стукачка и никаких маленьких милицейских хитростей выдавать никому не собирается. Поэтому ее стесняться перестали. Вот и теперь эксперт Виктор Герасимович безо всяких обиняков, словно Вари и не было в комнате, рассказывал оперу Малюте о результатах осмотра места преступления:

– Смерть Кондакова наступила между часом и тремя ночи. Причина смерти – удар острым предметом в область шеи.

– Что это за острый предмет?

– Обычный перочинный нож.

– Обычный?

– Ну, не совсем обычный. Швейцарский офицерский.

– Значит, орудие преступления у нас имеется? – спросил

Малюта.

– Вот он.

Эксперт бросил на стол запакованный в полиэтиленовый пакет нож. На его лезвии остались буро-ржавые следы крови.

– На «заказуху» не похоже, а? – довольным голосом проговорил Малюта. – Смахивает на «бытовуху»?

– Так точно, – облегченно выдохнул эксперт.

Опер повертел в руках запакованный в полиэтилен ножик.

– Хорошая игрушка, – оценил он. – Сколько в нем лезвий?

– Вроде бы двенадцать, включая ножницы и отвертку, – задумчиво проговорил эксперт и усмехнулся: – Плюс штопор...

– А отпечатки пальцев?

– Отсутствуют.

– Раз удар был в шею, – раздумчиво проговорил Опер, – значит, кровищи из Кондакова, наверно, вытекло много?

– Много, – кивнул эксперт.

– Наверно, и убийцу обрызгало, как ты думаешь? – Опер вопросительно глянул на коллегу.

– Запросто.

– И одежду, и тело?

– Не исключено. Совсем не исключено.

– Варюшка! – немедленно обратился опер Малютин к Варваре. – Ты подозреваемых всех видела?

– Да, – откликнулась она.

– Кровь у них на теле или на одежде заметила?

Варвара задумалась, а потом отрицательно покачала головой.

– Значит, убийца где-то спрятал окровавленную одежду, – заявил эксперт Герасимович.

– Или хорошенько вымылся. Если вдруг был в момент убийства голый, – с усмешкой подхватил Малюта.

– Или он вообще не из этой пятерки, что были в корпусе, – заметила со своего места Варя. – Допустим, какое-то неизвестное лицо проникло на базу. Этот человек убил Кондакова, а потом так же незаметно ушел.

– Да, охрана здесь ни к черту, – подтвердил Опер. – Кстати, ничего из вещей из номера не пропало. Все на месте: деньги, кредитные карты, золотой перстень.

Малюта сказал это, словно бы размышляя вслух, а на самом деле, как Варвара поняла, он просто хотел ввести ее в курс дела (хотя совершенно не обязан был этого делать). Варя была ему за это благодарна.

– А что скажет медицина, – спросил Опер, выпустив к потолку клуб дыма и снова перенося свое внимание на Герасимовича, – как наш убитый вел себя в момент нападения? Сопrotивлялся? Боролся?

– Похоже, что нет. Костяшки пальцев без травм. Под ногтями нет следов чужой кожи или волос. В общем, никаких следов борьбы.

Эксперт развел руками.

– Мне тоже показалось, что его ударили внезапно, – кивнул Опер. – Может, пока он спал?

– Может, и пока спал. А может, Кондаков просто ничего не подозревал. Он хорошо знал убийцу и полностью доверял ему. Тот подошел к нему почти вплотную. Руку с ножом

держал, допустим, за спиной. А потом ударил. Неожиданно ударил.

– А куда же убийца делся? В номере было открыто окно. Как там с пальцевыми отпечатками – на подоконнике, на ручках?

– Отпечатков в номере полно. Есть четкие. Сняли. Будем идентифицировать.

– Варвара, пометьте, – обратился Малюта к стажерше. – Надо снять пальцевые отпечатки у всех пятерых основных подозреваемых.

– Угу.

– А что со следами на подоконнике? – Опер снова переключил свое внимание на эксперта.

– На подоконнике никаких четких следов ног нету.

– А под окном – на асфальте, на траве?

– И под окном тоже. Правда, все это время шел дождь.

– Значит, убийца в окно не выпрыгивал?

Эксперт пожал плечами.

– Кто его знает. Может, и выпрыгнул. Футболисты – ребята спортивные. Зачем убийце обязательно становиться на подоконник? Он мог его ногами и не касаться. Подтянулся на руках – и выпрыгнул. А те следы, что он внизу, на траве, оставил, уже дождем смыло...

– Думаешь, такой расклад? – прищурился на эксперта Малюта.

Тот невозмутимо ответил:

– А может, убийца остался внутри. И окно раскрыл просто для отвода глаз. Пятьдесят на пятьдесят.

– Замечательная у нас экспертиза! – усмехнулся Опер, апеллируя к Варваре, которой он, похоже, все-таки симпатизировал. – Прямо как прогноз погоды. Точность – пятьдесят процентов. «То ли будет, то ли нет; то ли дождик, то ли снег». Так и тут. «Может, выпрыгнул. А может, и не выпрыгнул».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.